

РОМАНТИЧЕСКАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ

Джulia Остен

СТРАСТЬ
И РАСЧЕТ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Emily Austen
THE SAFE WAGER

Copyright © Emily Austen
All rights reserved

Литературная обработка *Н. Насоновой*

Художественное оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
MyStocks, Kotkoa / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Остен, Эмилия.

О-76 Страсть и расчёт / Эмилия Остен. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-098725-2

Дочь состоятельного промышленника Луиза Грэхем приезжает в Лондон, чтобы выйти замуж, и снимает на лето особняк графа Рейвенвуда. На балу она встречает Руперта Рейвенвуда – и видит в нем свой идеал мужчины. Используя свое очарование, граф соблазняет девушку, которая готова сама сделать первый шаг, и они решают не откладывать свадьбу. Руперт беден, но титулован, Луиза богата, но незнатна. Это брак по расчету, после которого, кажется, каждый получает желаемое. Но принесет ли это счастье? Уживутся ли вместе потомственный аристократ и дочь шотландского предпринимателя?..

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

© Насонова Н., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098725-2

1854 год, лето

Глава 1

Дом оказался старым. Нет, конечно, мебель была новая, необходимый ремонт провели, но все это лишь подчеркивало то, что дом старый. Луиза осторожно постучала кончиком сложенного зонтика по паркету, отполированному и натертому, но все равно вызывающему опасения. Кое-где доски были светлее основного массива — следы ремонта. Что люди находят в этих старинных семейных особняках? Пыль, разруха и неоправданные расходы. Большие, очень большие и совершенно неоправданные расходы. О чем, интересно, думал мистер Кортни, арендуя этот дом? Наверняка можно было найти что-нибудь менее ветхое.

— Луиза, — отвлекла девушку от размышлений о разумности подобных трат тетя Вильгельмина, — откуда такой недовольный вид? Мы же в Лондоне, как ты и хотела. Дом отремонтирован и обставлен согласно нашим желаниям. Впереди целый сезон: вечера, балы, выезды — просто сказка!

— Тетя Ви, — Луиза решительно вручила зонтик появившемуся словно из-под земли слуге, — вряд ли Лондон в чем-то разительно отличается от Глазго и Эдинбурга.

— Не скажи. Составить выгодную партию здесь значительно проще. Во-первых, женихов тут больше, а во-вторых, их качество в Лондоне выше.

Луиза проследила глазами за тем, как слуги перемещают чемоданы наверх, и предложила тете покинуть холл и пройти в гостиную.

— О! — Леди Вильгельмина устроилась в кресле и с восторгом воззрилась на столик, сервированный чаем с закусками. — Узнаю старую добрую Англию! Чай возникает из ниоткуда и исчезает в никуда.

Тетя Вильгельмина, хоть и была истинной дочерью Шотландии, некоторую часть своей жизни провела в Лондоне с мужем, бароном Крайтоном, о чем постоянно вспоминала с ностальгией, когда, овдовев, переехала в дом брата, Майкла Грэхема, чтобы помочь воспитывать рано оставшуюся без матери племянницу.

— Можно подумать, у нас в доме чай не подают, — пожала плечами Луиза.

— Подают, — согласилась леди Крайтон. — Но, милая, дай мне насладиться первым за долгое время чаем в Лондоне.

— Наслаждайся, — послушно кивнула Луиза. — И позволь мне тебя обслужить.

Она разлила горячий напиток, уверенно пользуясь чайником, молочником, сахарными щипцами и прочими предметами, необходимыми для свершения таинства послеполуденного чая.

— И все же, Луиза, милая, объясни мне, чем ты недовольна? — Тетя Вильгельмина всегда чутко улавливала изменения в настроении своих близких (впрочем, не только близких, но и знакомых, и знакомых знакомых, да и просто случайных собеседников), так что Луиза не стала пытаться уйти от ответа.

— Знаешь, тетя, что-то я стала сомневаться, что идея провести сезон в Лондоне такая уж великолепная, — сообщила она.

— И почему же? Уверена, что идея просто грандиозная! Если бы я была юной богатой наследницей, я бы однозначно сочла ее чудесной.

— Насколько мне известно, в свое время ты так и сделала, — улыбнулась Луиза.

— О, хотя я и была тогда юной, я не была настолько богатой, — улыбнулась в ответ леди Крайтон.

— Поэтому вышла замуж за барона. А я, как уже говорила, намерена заполучить графа, не меньше. Нацелилась бы на герцога, но они все или женаты, или слишком стары. Конечно, есть своя прелесть в том,

чтобы остаться молодой богатой вдовой... — Луиза запнулась, сообразив, что иногда стоит сначала подумать, а потом уже говорить.

— Не волнуйся, — махнула рукой Вильгельмина. — Я, конечно, не обрадовалась, столь рано овдовев, но прекрасно понимаю, о чем ты говоришь.

— Ох, тетя Ви, все равно прости меня. Иногда мой язык — мой враг. — Луиза поставила на столик чашку из-под выпитого чая.

— Иногда? — слегка улыбнулась леди Крайтон, делая глоток уже немного остывшего чая.

— Иногда. — Луиза решила не отступать. — Чаше всего мой язык — враг тех, кто не нравится хозяйке языка, то есть мне.

— Ах, Луиза, порой мне кажется, что тебе никто не нравится, — покачала головой леди Вильгельмина.

— Почему же? Мне нравишься ты. Папа. Иногда — папины деловые партнеры. Иногда — галантные кавалеры. Но эти, последние, — редко. Потому что умных среди галантных не так уж много. — Логика всегда была сильной стороной Луизы.

— Вот именно поэтому сезон в Лондоне — великолепная идея! Здесь гораздо больше галантных кавалеров, чем в Глазго, и поэтому... — Тетя тоже была сильна в сопоставлении причин и следствий.

— Поэтому здесь больше и умных, — закончила мысль Луиза.

— А еще красивых и молодых, — добавила леди Крайтон.

— Разных. Да. Я поняла твою мысль. Кстати, именно так я убедила отца, что потратить баснословную сумму на сезон в Лондоне — это правильное решение, — напомнила Луиза.

— Что же заставило тебя усомниться в этом? — снова поинтересовалась тетя Ви. Она отлично знала, что Майкл Грэхем не очень сопротивлялся желанию дочери провести сезон в столице.

— Еще чаю? — предложила Луиза. Сложно было вот так, сразу, объяснить простыми словами сомнения, которые одолевали ее всю дорогу из Глазго в Лондон.

— Пожалуй, — согласилась тетя Вильгельмина.

Луиза снова повторила ритуал наполнения чашек, одновременно собираясь с мыслями.

— Войдя в дом, я поразилась, представив, сколько пришлось потратить на его ремонт и обстановку — и это не говоря уже об арендной плате и о том, сколько еще предстоит израсходовать на наряды и выходы в свет. И все это для того, чтобы выйти замуж? Тетя Ви, если бы на мне хотели жениться из-за моей красоты или ума — я бы еще поняла все эти хлопоты. Но они стремятся взять меня в жены прежде всего из-за денег

отца! Не меня надо показывать женихам, а мой брачный договор! Получится дешево, практично и экономично!

— А это мысль! — одобрила леди Крайтон. — Только вот женихи хотят видеть невесту, а не брачный договор. О содержании брачного договора они предпочитают просто знать.

— Как известно, правильное содержание брачного договора способно заставить жениха закрыть глаза на то, как выглядит его суженая.

— А, ты о том ужасном случае с бедным мистером Сорроу?

— Бедным? — возмутилась Луиза. — Да, конечно, он был небогат. Но это же не повод так себя вести!

— Не повод для того, чтобы изображать перед ним дурочку, а потом удивляться, как ему хватило наглости попросить твоей руки.

— Именно об этом я и говорю! — вздохнула Луиза. — Он сделал предложение, несмотря на хромоту, косоглазие и заикание невесты!

— Все. Я окончательно запуталась, — сдалась леди Вильгельмина, отчаявшись уследить за хитросплетениями мыслей племянницы. — Я так и не поняла, почему ты сомневаешься. Но в одном я уверена — в Лондоне нам понравится, все будет прекрасно, и ты выйдешь замуж за достойного молодого человека.

— За графа, не забудь, — напомнила Луиза.

— Как пожелаешь, — согласилась леди Крайтон. — А сейчас я бы хотела отдохнуть с дороги... Я уже не так молода, силы не те...

Она позвонила в колокольчик, молоденькая горничная, как будто из воздуха, возникла на пороге гостиной.

— Я рекомендую и тебе провести остаток дня в покое и неге, — посоветовала тетя племяннице. — Завтра нас ждут магазины!

Леди Вильгельмина проследовала к дверям гостиной с таким изяществом и легкостью, которые любого бы заставили усомниться в том, что годы угнетают ее, а долгая дорога утомляет. Миссис Крайтон, урожденная мисс Грэхем, дочь мелкого шотландского землевладельца, разбогатевшего на удачных вложениях и основавшего компанию, которая стала приносить баснословный доход, в свои сорок с небольшим лет сохранила стройный стан, кипучую энергию и была все еще красива той спокойной красотой, которая часто сопровождает дочерей Шотландии до самой смерти: светлые, медового оттенка волосы, удачно скрывающие легкую седину, свежий цвет кожи, яркие глаза неуловимого оттенка северного моря, нежный овал лица и высокие скулы.

Луиза во многом походила на свою тетю, но ей, в отличие от леди Крайтон, не досталось высокого роста и стройного стана. Впрочем, девушка, хоть и не считала себя красавицей, тем не менее полагала, что не лишена очарования. Да, ее отличает скорее пышность форм, нежели стройность, — но кто сказал, что это недостаток? А вот живой ум, дополненный отличным образованием, острым язычком и прямоот суждений, — это действительно не самые лучшие качества с точки зрения рынка невест. Луиза уже успела убедиться в этом за те два года, что она выходит в свет. То, что другие дебютантки принимали за чистую монету, вызывало у нее смех, сдерживать который Луиза научилась с превеликим трудом. Может быть, совершенно напрасно.

Что ж, пока тетя отдыхает, можно познакомиться с домом, которому суждено стать их пристанищем на это лето. Пока что очевидно следующее: особняк обошелся в целое состояние. Возможно, потому, что здесь удивительно хорошо обученные слуги. Или из-за того, что дом расположен на Гросвенор-сквер, в одном из самых престижных мест Лондона. Луиза выглянула в окно и подумала, что еще одной причиной столь высокой цены вполне может быть великолепный старый заброшенный сад, прилегающий к дому, очарователь-

ное местечко, чтобы скоротать там несколько часов за чтением. Надо только подняться за книгой в свою комнату, а по пути можно осмотреть особняк изнутри.

Руперт Страйтэм, граф Рэйвенвуд, проснулся довольно рано, однако вставать не спешил. Торопиться ему было совершенно некуда: весь день Руперт намеревался провести в клубе, а пока там соберется привычное общество, допоздна гулявшее вчера на балах, пройдет еще уйма времени. Летний рассвет, прокрававшийся в спальню, красиво золотил занавески, и это зрелище располагало к неторопливым размышлениям. Шнурок, ведущий к колокольчику на кухне, оборвался еще позавчера, и на ночь дубовая дверь в спальню графа, которая, будучи закрытой, не пропускала посторонних звуков, оставалась приоткрытой, чтобы графский слуга Том Виггс слышал, когда, проснувшись, хозяин позовет его. Сейчас за дверью царил всепоглощающая тишина, и Руперт решил, что слуги поблизости нет, а значит, можно воспользоваться возможностью и насладиться утренним ничегонеделанием.

Он вспомнил, как вчера в клубе джентльмены едва не поссорились, обсуждая войну с Россией, и этот спор, как бывает со всеми острыми политическими

дискуссиями, наверняка продолжится и сегодня, и завтра. По сравнению с началом года людей в клубе побавилось: часть завсегдатаев теперь находилась в России, которую, согласно молве, со дня на день должно было завалить снегом, и это посреди лета. Слухи ходили дикие, но верили им только те, у кого не хватало ума, чтобы оценить факты. Сам Руперт участия в спорах не принимал, над образом России как места очень дикого и непременно покрытого льдом (и это в двух шагах от Турции) только посмеивался и старался не высказывать своего мнения относительно войны. Не потому, что такового не имел, а потому, что считал подобные разговоры пустой тратой времени. Нужно либо ехать на войну, либо иметь веские основания для того, чтобы остаться.

У графа было две причины не отправляться в Россию — наследство и неприятие войны как таковой.

Наследство заключалось в майоратном поместье и старом лондонском доме. Всеми делами Руперта занимался поверенный, на которого в случае отъезда вполне можно было положиться. Однако никто не отменял того факта, что граф оставался единственным наследником всего этого неумолимо ветшающего имущества и титула, который Руперт должен был передать своим потомкам. А значит, офицерский патент графу было не приобрести. Да и что толку от этого патента? С учетом расходов на его покупку, на экипировку и на

офицерское содержание Руперт мог рассчитывать разве что на звание лейтенанта, и то если очень повезет. А потом ждать, когда откроется следующая вакансия, размышлять о том, хватит ли на нее денег, уворачиваться от вражеских пуль, есть плохую пищу, болеть дизентерией и заниматься прочими глупостями, в которых восторженные юнцы видят героизм? Увольте. Граф Рэйвенвуд был для этого слишком практичен. И кроме того, почти разорен, что служило прочной основой трезвого взгляда на действительность.

Ладно, по миру он не пойдет, но выражение «беден как церковная мышь», пожалуй, вполне для него годится. Правда, иногда в необъяснимом приступе благочестия Руперт заходил в храмы и пару раз видел тамошних мышей: было ощущение, что они получали ренту с огромных угодий где-нибудь под Лестером. У церковных мышей есть чему поучиться, думал Руперт.

Вторая причина, по которой военные дискуссии заставляли графа морщиться, — это неприятие войны как способа разрешения важных вопросов. Руперт не был дураком и понимал, что участие в вооруженном столкновении — это зачастую самое простое решение политических проблем, точно так же, как дуэль для джентльмена. Однако он гораздо больше верил в прогресс, чем в силу оружия, и, будучи потомственным землевладельцем, возвращенным на плодородных